

ские реалии Переписки крайне слабы, они не идут дальше намеков; имеется намек на то, что Василий III давал обязательство платить туркам дань, намек на правление бояр во время малолетства Ивана IV. В произведении соединены черты турецкого султана и крымского хана, ибо слова «невольный обдержатель» и «посаженный градарь и послушатель», исполняющий то, что ему велят цареградцы, могут быть поняты только по отношению к крымскому хану — «посаженику» (вассалу) турецкого султана.

Отсутствие в Переписке исторической конкретности, наличие в ней целого ряда легендарных элементов и тот факт, что она не принадлежит перу Грозного, свидетельствуют, что перед нами нарочито вымышленное произведение, литературный характер которого был несомненно ясен его читателям.

Вымышленная переписка Ивана IV с турецким султаном не рассматривалась исследователями в качестве самостоятельного литературного произведения. Определение ее «подложной», не принадлежащей к числу произведений самого царя, не являющейся действительным дипломатическим документом как бы заранее лишало Переписку права занять место в ряду литературных произведений, изучаемых филологами. А. Н. Попов, опубликовал несколько измененную редакцию Переписки, находящуюся в хронографе 1696 г.¹ В этой хронографической редакции Переписка включена в число однотипных вымышленных дипломатических грамот, относящихся к 70-м годам XVII в. Не зная, по-видимому, о наличии Переписки в списках первой четверти XVII в., А. Попов создал гипотезу об одновременном написании всех грамот цикла, в том числе и Переписки, в конце XVII в.² На публикации Попова и на его гипотезе основывается А. Н. Робинсон при разборе жанра Поэтической повести об Азове, проводя параллели между Поэтической повестью и грамотами цикла. Для нас особенно важно наблюдение А. Н. Робинсона о сходстве «жанровых особенностей» и «стилистических мотивов» Переписки с Поэтической повестью об Азове.³

Вопрос о датировке Переписки сложен. В пределах данной статьи его не удалось решить четко и пришлось ограничиться довольно общими предположениями. Сюжет Переписки, как мы увидим в дальнейшем, во многом зависит от документов Посольского приказа XVI в., следовательно, появление самого сюжета можно отнести к XVI в. Труднее сказать, когда именно бранная дипломатическая переписка была положена в основу литературного произведения. Вероятно, на этот сюжет были в кругах Посольского приказа написаны какие-либо произведения, не дошедшие до нас. Об этом можно судить, опираясь на версию этого же сюжета, рассказанную Исааком Массой⁴ и отличающуюся от версии, которая дошла до нас в сборниках первой четверти XVII в.

Турецкий султан Селим, рассказывает Исаак Масса, отправил письмо в Москву к Ивану, называя его в знак «особой милости» своим конюшим, указывая, что его отец скончался, оставив его малолетним. Из благоволения султан не обременял Ивана, ожидая, пока он достигнет совершеннолетия и станет управлять москвитями. Теперь султан требует уплатить дань без всякого промедления за все прежние годы, со времени смерти Василия Ивановича, который был всегда послушен и верен султану. Письмо было получено великим князем Иваном Васильевичем, велевшим

¹ См.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов. М., 1869, стр. 448—452.

² А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 227—229.

³ А. Н. Робинсон. Жанр поэтической повести об Азове. ТОДРА, т. VII, М—Л., 1949, стр. 109.

⁴ Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 г. М., 1937, стр. 27—28.